

Псы и Цародеи

КНИГА 1

НАТАЛЬЯ РЕЗАНОВА

NOVA
FICTION

Нова Фикшн. Темные герои

Наталья Резанова

Псы и чародеи. Книга 1

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Резанова Н. В.

Псы и чародеи. Книга 1 / Н. В. Резанова — «Издательство АСТ»,
2026 — (Нова Фикшн. Темные герои)

ISBN 978-5-17-189188-6

В этом мире когда-то правили законы магии – но она ослабела. В этом мире некогда царила могущественная империя, но она распалась, и теперь многочисленные короли на ее руинах грезят о чужих территориях. И есть где разгуляться Королевским Псам – тайной организации лазутчиков и убийц. Они следят, как одержимый маг, чьи амбиции не знают границ, бросил вызов своей бывшей наставнице с красноречивым прозвищем Сестра Погибели. Отныне любой человек – палач, нищая служанка, придворная дама или министр – лишь пешки в игре, где нет места жалости. Интересы Псов и чародеев вот-вот столкнутся, и кто знает, кто победит тогда?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-189188-6

© Резанова Н. В., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Наталья Резанова

Псы и чародеи. Книга 1

А вне – псы, и чародеи, и любодее, и убийцы, и идолослужители, и всякий, любящий и делающий неправду.
Откровение, 22:15

Серия «Нова Фикшн. Темные герои»

Внутренние иллюстрации *Дмитрий Алексеев*

Иллюстрация на форзаце *Адель Кейн*

Иллюстрация на переплете *Макс Олин*

© Макс Олин, иллюстрация на переплете, 2026

© Резанова, Н. В., 2026

© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2026

Часть первая

Чародеи

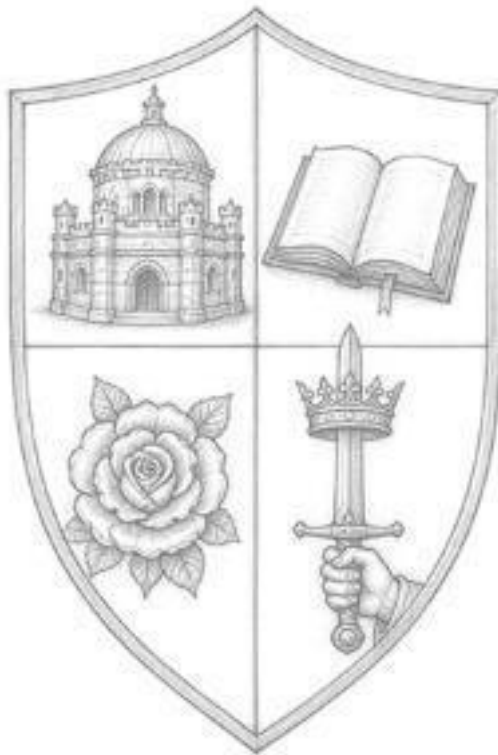
*В конце концов, убийство есть убийство.
Долг смертных – ополчаться на чудовищ,
Но кто сказал, что чудища бессмертны?*
Иосиф Бродский

*1569 год от Утверждения Канона, события Третьего – Восьмого
месяцев.*
Дробеза и Лейра

Глава 1

Во дворце и на плахе

Не каждый город может похвалиться тем, что на службе у него имеется собственный палач. Далеко не каждый. Хотя, по правде сказать, не везде он необходим. В маленьких городах смертные казни случаются редко – ну, некого обычно там казнить. А если уж обнаружится, паче чаяния, душегубец – того отправляют для экзекуции в град столичный. А на то, чтобы запихать воров, пьяниц, соблудивших жен и прочую шваль в колодки, а потом высечь, находятся добровольцы либо исполнителей назначает местный староста. Но если город побольше, где есть и настоящие тюрьмы, и настоящие преступники, тут вопрос о том, кто будет производить казни, встает ребром. Подлинный умелец стоит дорого, не у всякого города казна позволит содержать такого, вдобавок обучение заплечных дел мастера требует времени.

И решают этот вопрос по-разному. Иногда в провинции приглашают палачей из крупных городов на одноразовую работу, иногда привлекают к делу гарнизонных профосов. Первое – слишком дорого, да и опасно тоже. Известны случаи, когда родственники осужденных убивали или похищали палачей, отправлявшихся на выезд. Наивные люди, они полагали, что в подобном случае казнь отменят. Ну, что ж, бывало, приходилось отменить, зато потом происходило их сразу несколько: сначала исходно приговоренного, затем означенных родственников. И вполне естественно, что выездные приезжие палачи, помимо обычного гонорара, требовали надбавки за риск.

Профос – армейский экзекутор – мог разрешить многие проблемы. Таковой должен иметься в каждой воинской части, по штату положен, так же как лекарь, квартирмейстер и жрец. Да только воинская часть не в каждом городе расквартирована, вот беда.

Потому чаще всего на эту важную, но малопочетную должность назначались добровольцы из числа осужденных преступников. Добровольцы находились всегда – ведь при таком

раскладе им полагалось помилование. Ограниченное – с запрещением покидать пределы тюрьмы, – но все же помилование. Так что найти кандидата труда не составляло. Однако ж чаще всего подобный добровольный палач не умел делать ничего, что необходимо при его ремесле. И поучительная процедура казни превращалась в сущее мучение как для казнимых, так и для зрителей. Нет, конечно, в толпе всегда ждут, чтоб осужденный помучился подольше, без этого и правосудие как бы не всласть. Но чего хорошего, когда осужденному отделяют голову от тела с шестнадцатого удара топором? Позор один. К тому же, если город вольный, купеческий – там, конечно, предпочтут приглашать гастролеров или брать из тюрем таких вот косоруких, лишь бы сэкономить.

Но если у города есть правитель, то для него содержание собственного заплочных дел мастера – это вопрос престижа.

В Дробезе свой палач имелся. И у его светлости князя не было оснований быть недовольным. Но и доволен он не был. Впрочем, Лайгде, князь Дробезы, вообще бывал доволен крайне редко.

– Вот, слышал я, что во времена Союзной Империи были настоящие школы палачей. Ученики постигали искусство с отроческих лет, войдя в возраст, сменяли стариков, уходящих в отставку, и не было никаких сложностей с осуществлением правосудия, – сообщил он своему министру Фиахре, усаживаясь в кресло на балконе.

– Но ведь это было так давно, – ответил Фиахра.

Кроме этой глубокомысленной банальности, Фиахра сейчас ничего не мог выдать, да князь ничего иного от него и не ждал. По правде говоря, как правило, никто не ждал. Всем в Дробезе было известно, что Фиахра – сутулый, рано облысевший толстяк – ленив и глуп и удерживается на своей должности благодаря древности рода и весьма значительному состоянию.

Князю же было известно, что Фиахра прекрасно образован, когда требует дело – энергичен, и, если называть вещи своими именами, большая сволочь. И это его светлость вполне устраивало.

Фиахра был не такой дурак, чтобы спорить с князем, да еще публично. Однако он прочел достаточно книг по истории Союзной империи, чтоб усомниться в словах его светлости. В школы палачей он не верил, равно как в школы магов и шпионов. Выдумки сочинителей – не бывает по определению.

Фиахра вообще мало во что верил, и отчасти именно это помогало ему справляться с обязанностями. Верил ли он в Семерых Богов, вращающих колесо мироздания? Если б ему задали такой вопрос, он бы, безусловно, ответил утвердительно. Ибо сам неоднократно представлял на подпись его светлости смертные приговоры еретикам и отступникам.

Но сегодняшняя процедура не имела к еретикам никакого отношения. Тем не менее в Дробезе ее давно ждали, причем с нетерпением. Народ здешний, как положено народу, терпелив и многое способен вынести от обремененных силой – независимо от того, подкреплена ли эта сила законом или нет. Но шайка некоего Хати по прозванию Жареные Пятки перешла всякие пределы, в которые укладывается народное терпение. Слов нет, обычай при грабеже поджаривать жертве ноги, дабы вызнать, где спрятаны деньги и ценности, очень древний и распространен во множестве стран. Но как-то другие разбойники ограничивались при том взрослыми, Хати же распространял свои методы и на детей. Да и вообще перебирал с пытками, чем вызвал особое раздражение властей, ибо пытки есть привилегия суда, а не беззакония. Сочувствие же народа, нередко сопровождающее разбойников, Хати и его подельники потеряли. Так что, когда князь, наконец, выслал против Хати солдат, никто не стал укрывать атамана и его банду. Более того, арестованных даже пришлось защищать, ибо в противном случае их растерзали бы по пути в город. Но нет. Своей наглостью разбойники нанесли оскорбление власти. Они осме-

ливались грабить не только купеческие обозы, деревни и постоянные дворы, но и предместья княжеского города. А потому правосудие и воздаяние должны были свершиться в Дробезе.

Из-за того, что нынешнее мероприятие носило не политический, но исключительно назидательный характер, супруга его светлости отказалась присутствовать. Она заявила, что это ее утомляет, вдобавок многочасовое сидение на солнце и под ветром плохо сказывается на ее нежной коже. А день обещал быть как солнечным, так и ветреным. Это вообще было свойственно Дробезе с ее резкими сменами жары и холода.

Но мужчины не должны пренебрегать своими обязанностями из-за капризов погоды, даже если экзекуция растянется надолго. Суд постановил: поначалу душегубы на себе испытывают то, что чувствовали их жертвы. Им будут жечь ноги на жаровнях. Но не до смерти. Потому что затем последует основная часть наказания – преступников колесуют.

Наказанию подлежало десять человек, и ясно было, что при самой четкой и слаженной работе быстро никак не управиться. Оттого начать следовало пораньше. Однако за казнью собирался наблюдать князь, а будить высокую особу за ради наказания подонков ни свет ни заря никак не подобает. И начинать пришлось отнюдь не на рассвете.

Вот простонародье – те начали собираться на площади еще затемно. Горожане, естественно, да приезжие, успевшие прибыть в Дробезу. Их было немало. Те, кто устремился в город после того, как поутру открыли ворота, оказались в задних рядах на запруженной народом площади. Оставалось надеяться, что помост изрядно высок и происходящее на нем можно рассмотреть из самых дальних уголков.

Но осужденных все не везли. Только после того, как его светлость появился на балконе дворца в сопровождении Фиахры, стало ясно, что главные герои представления вскоре пожалуют.

Его светлость благосклонно озирает столицу подвластного ему княжества. Лишь малые города ставят у себя святилища сразу всей Семерке. Уважающий себя город строит храмы для каждого из богов в отдельности, и особо почитает того, кого избрал своим покровителем.

Покровителем Дробезы издавна считался Старший Сын, Разрушитель, и его светлость не видел никаких оснований отступать от обычая, хотя в просвещенное время цивилизованному городу почитать божество стихийных бедствий как-то не с руки. Но обычай есть обычай, он превышает доводов рассудка. И казнь была назначена на нгяр – день Разрушителя. Хотя некоторые теологи утверждали, будто для казней больше подходят рассаяр – день Дочери, ведающей мудростью (разве правосудие вершат не с ясной головой?), эркеяр – день Мастера, хозяина всех ремесел (палач ведь тоже ремесленник, верно?), или даже иеррар – день Творца (разве, расставаясь с жизнью, казнимый не воссоединяется с создателем всего сущего?).

Дробеза была вполне ортодоксальным городом, здесь почитался пантеон, признанный каноническим в те славные времена, когда королевство Михаль победило Союзную империю и само стало империей. Империя Михаль давно уже распалась на несколько самостоятельных государств, но религиозные установления, принятые тогда, неукоснительно почитались. И ереси преследовались, а отступников в Дробезе карали на той самой площади, на которую выходил балкон дворца. Но сегодня все должно было обойтись без религиозной подоплеки. Обычная рутинная процедура, только очень длинная. А кому посвящен сей день, в сущности, не имеет значения. Главное, чтоб соблюдался порядок.

Пока что все шло прилично и благопристойно. Его светлость и сам был мужчина благообразный – с правильными чертами лица, украшенного раздвоенной на клинья светло-каштановой бородой, и светло-голубыми глазами. Облачен он был в полуофициальный сине-красный кафтан. Если б казнимы были политические преступники, пожалуй, следовало явиться перед подданными в мантии, а так – мерзавцы того не стоят. Но знаки власти все же должны быть явлены, и голову его светлости венчала легкая корона. Дробеза, конечно, вассальное княжество короля Лейры, но не следует забывать, что здесь, у себя, Лайгде – автократ в своем праве.

Наконец на площади показались повозки с осужденными. Князь узнал о них раньше, чем узрел, – по шуму в толпе. Вгляделся. Он видел Хати и его подельников в первый раз. Сам он следствием не занимался – опять-таки, не по чину мерзавцам.

Хати Жареные Пятки, багроволицый, с мощным загривком и руками-окороками, был закован в кандалы, остальные связаны попарно сыромятными ремнями, кроме последнего, коему пары не досталось из-за того, что Хати был в железах. Этого упаковали единолично.

– А выглядят они бодро, – шурясь на солнце, сказал его светлость. – Даже не отощали на тюремных харчах. И не похоже, чтоб их допрашивали... с пристрастием.

– С пристрастием – нет, ваша светлость. Не было такого распоряжения. Растянули, конечно, при снятии показаний для порядка, а больше нет.

– То есть наш душегуб к ним зван не был.

– Невеликого полета птицы, ваша светлость. Для допросов при тюрьме свои костоломы, из ограниченно помилованных... – Фиахра покосился на князя, словно бы уточняя: «Что-то сделано не так?»

Однако его светлость был настроен благодушно.

– И то – следовало сохранить их в нужной кондиции до казни, чтоб своими ногами на помост взошли, иначе смысл сего представления пропал бы втуне. О, вот и он. Я и не заметил, как он появился.

– Должно быть, у помоста стоял, – буркнул Фиахра.

По дощатой лестнице на помост поднимался тот, кто не был главным героем нынешнего представления, но без кого это представление не могло состояться.

В некоторых городах палачи прикрывают лица от честных людей. Но не нынешний мастер-палач Дробезы. Всяк мог видеть, что это человек довольно молодой, с лицом резким, скуластым, черноволосый и темноглазый. При всей крепости телосложения (а ему могли бы позавидовать гвардейцы королевской стражи Лейры) он выглядел более измученным, чем Жареные Пятки с товарищами, и двигался с трудом – настолько, что его поддерживала под локоть женщина в простом коричневом платье, до бровей закутанная в платок.

– Что это он, с похмелья или захворал? – спросил князь, без особого, впрочем, удивления. – Он же еле ноги волочит.

– Всяко может быть, – спокойно отвечал Фиахра. – Но вы же знаете – хмельной ли, больной, – наш душегуб всегда доведет дело до конца.

И князю, и Фиахре было известно имя палача – Дабар, но они предпочитали не произносить его. Словно это непристойность, которую в разговоре надо заменять каким-то благоприличным словом.

Дабар не был подмастерьем прежнего палача Дробезы (а сменяли мастеров на этом посту чаще всего подмастерья, как правило – сыновья или зятья). Он появился в Дробезе года три назад и предложил городскому совету свои услуги. Чиновник, принимавший его на службу, в иное время, может, и пренебрег бы неизвестным человеком безо всяких рекомендаций, но тогдашний городской палач (тоже из «ограниченно помилованных») очень уж опозорился. Накануне казни одного грабителя он в тюрьме так упился вместе с осужденным и жрецом, коему полагалось отпускать преступникам грехи, что перепутал своих приятелей и наутро с пьяных глаз вместо грабителя повесил жреца. Когда известие о конфузе дошло до князя, он сперва посмеялся, а потом приказал сместить с ответственной должности дурака и пьяницу и покарать того смертью. Таким образом образовалась вакансия, а бывший палач стал первым, на ком Дабар выказал свое умение. И, как уже сказано, за три года ни князь, ни Фиахра, ни городской совет претензий к нему не имели. Если Дабар и пил – а временами создавалось такое впечатление, – на его работе это никак не сказывалось.

Разумеется, в городе его боялись и ненавидели, а иначе какой же он палач? Занимался он только казнями, иногда, по особому распоряжению князя, и пытками. В вольных городах

на палачей зачастую сваливались и другие обязанности – например, надзор за публичными домами или очистка улиц от падали – словом, все виды работ, коими другие чиновники брезговали. Но его светлость ни за что бы такого не позволил. Человек, творящий правосудие от имени князя, его карающий меч – и этакая мерзость. Пусть шлюхами и дохлыми собаками занимается кто-то другой.

Учеником или подмастерьем Дабар не обзавелся. Не то чтобы назрела необходимость передать кому-то свое мастерство – Дабару было далеко до старости. Но бывают такие экзекуции – вот как сегодня, например, – когда палач в одиночку просто не справится. Для этого в помощь отряжали подручных из гарнизона либо из тюрьмы. А в последний год Дабару стала помогать его сожительница. Чем он еще больше напугал честных жителей Дробезы. Виданное ли дело – бабу к такому занятию приставить, что значит – пропащая душа, Семерыми проклятая! Но закона, запрещавшего такое, в Дробезе не было, и власти не мешали женщине помогать сожителю. В отличие от Дабара эта женщина на службе не значилась, жалованья не получала, по ведомостям не проходила, и Фиахра не знал ее имени, да и не интересовался. Ясное дело, ни одна порядочная с палачом жить не станет. Бабы палаческие – либо из шлюх, либо из осужденных. Если мужчина от смертного приговора спастись может тем, что в палачи пойдет, то женщина – тем, что выйдет замуж за палача либо его подмастерья. Таков был старинный обычай. Но тут был не тот случай, иначе бы Фиахра об этом знал. Стало быть, подобрал себе душегуб гулящую бабу, так что о ней и думать.

Стражники тем временем вывели на помост первую партию осужденных во главе с Хати. Там уже стояли жаровни, и баба палача помешивала в них угли, покуда осужденных освобождали от пут и лишней одежды. Опять-таки по обычаю одежда казнимых отходила палачу, но Дабар, насколько было известно Фиахре, не слишком этим обычаем пользовался. Да и что взять с этих мерзавцев? Если и было при аресте что ценное, все равно в тюрьме отобрали.

Публика жадно следила за происходящим. Всем было интересно, как будут жарить пятки Жареным Пяткам, и множество острот на эту тему разошлось по городу еще до казни. Увы, острякам пришлось испытать разочарование. Гонору Хати хватило ровно до того момента, как его ступни сунули в огонь. Орал он так громко и пронзительно, что роженице впору, а потом сомлел, и пришлось его лечебным питьем отпаивать, чтоб не сдох прежде времени.

Остальные вели себя по-разному – кто крепился, кто выл, кто проклинал черными словами все на свете, но, надо сказать, выступление Хати очень испортило первое впечатление.

Его светлость сказал Фиахре, что он и не ждал мужества от подобного негодяя, зато всякий, кому закрадется мысль последовать стезей грабительской, теперь неминуемо убедится, куда она приведет.

Впрочем, поджаривание пяток было лишь заправкой перед основной частью зрелища. Но уж тут все прошло как ожидалось. На колесе не храбрится никто.

Так что все произошло в полном соответствии с ожиданиями князя и его министра. Разбойники умирали долго и мучительно, и удовлетворение от этого зрелища должно было компенсировать толпе многочасовое стояние на площади. Несколько обмороков все же случилось, но вызваны они были скорее жарой, духотой и давкой.

Его светлость и Фиахра, избавленные от неудобств, успели вкусить легкий завтрак, поданный слугами, запить его охлажденным пивом и вновь вернуться к лицезнению казни. Дабар не подвел. Кости преступникам он ломал так, чтоб они не померли прежде, чем вкусят всю меру мучений. И если он и был болен с утра, это ему нисколько не помешало.

Князь отметил это обстоятельство.

– А наш-то душегуб, Фиахра... ты заметил? С утра еле двигался, а сейчас бодр и крепок. Даже как будто выше ростом стал.

– Да, ваша светлость. С ним всегда так. Мучительство его как будто вдохновляет и укрепляет. Вот что значит – палач по призванию.

Князь Лайгде ничего не ответил, лишь кивнул, пригубив серебряную кружку со светлым пивом. Он уже не думал о казни. Предстояло много других дел. Но прежде надо было очиститься от лицемерия смертоубийства.

Потому, когда последний из разбойников нашел свой конец на колесе под палицей палача, князь покинул балкон. Следовало посетить храм Разрушителя. Носилки уже дожидались его у дворцовых дверей.

Толпа, пресытившаяся зрелищем, спешила разойтись. Князь тоже рад был поскорее покончить со всеми церемониями, связанными с казнью. К тому же завтрак успел расточиться в светлейшем желудке, и хотелось поесть основательно. Но перед лицом божества поспешность была неуместна. Даже если это божество не проявляло себя с незапамятных времен (хвала Семерым) и поклонение ему является простой формальностью.

Утомленный Лайгде ждал, пока кончится служба, не вслушиваясь в слова литании на древнем языке, теперь уже никому в Дробезе не понятном. И сам храм был старинным, еще имперской эпохи, хотя, разумеется, неоднократно с течением времени подновлялся. Часть убранства была заменена, но статуя Разрушителя перед алтарем оставалась древней. И странное дело – в сумраке и клубах курений лицо Нгая, Старшего Сына, напомнило князю Дабара.

* * *

Тот, кто столь кощунственно напомнил его светлости Разрушителя, находился сейчас за городской стеной. Власти Дробезы предоставляли палачу жилье (если тот был вольнонаемный, а не из «ограниченно освобожденных»), но жить в черте города ему запрещалось. Таков был обычай. Дробеза давно не вела войн, город рос, и еще до правления Лайгде выплеснулся за прежние пределы. Дома поначалу лепились к старым крепостным стенам, потом стали отползать все дальше, так что вокруг Дробезы образовалось внешнее кольцо. Разумеется, здесь селилась только беднота. Но внутри прежней городской черты попадались кварталы ничуть не лучше. Дробеза не зря нуждалась в заплечных дел мастерах: всевозможного вора, грабителей, убийц водилось здесь более чем достаточно, и покойный Хати был далеко не худшим из них.

Однако не было известно случая, чтоб кто-то решился напасть на дом палача. Может быть, когда-нибудь, при других мастерах, но не теперь. Дабар внушал ужас. Собственно, палачу и полагается быть таким, и удивляться тут нечему.

Он вообще соответствовал тому образу палача, который существует в народе – мрачный тип, который почти не говорит, зато лихо управляется на эшафоте и с мечом, и с топором, и с палицей. И как бы ни убеждали себя зрители, что таков молодец он только супротив осужденных – скованных, связанных, измученных пытками, – встретиться с ним один на один никому не хотелось.

И они были правы.

Известно, что у палачей существует ряд побочных промыслов. Помимо одежды, обуви и прочего личного имущества казненных, что можно продать, в собственность палача отходит и кое-что еще. В первую очередь – сами казненные. Иногда, по особому распоряжению властей, тело отдают родственникам для захоронения, иногда выставляют на всеобщее обозрение, пока не истлеет. Но порой с останками палач может делать что хочет. А всякому известно, что кости, сердце, печень, черепа казненных или пепел сожженных – первейшие вещи для колдовства, или волхования, или для приготовления различных зелий. Да что там останки! Кусок веревки с виселицы – и тот может служить талисманом и стоит приличных денег.

Так вот – Дабар никогда этим промыслом не занимался. С самого своего появления в Дробезе он пренебрегал обычаями. Это было даже несколько оскорбительно. Сколько бы ни платили палачу городские власти, лишних денег не бывает, всякий ремесленный человек стремится подзаработать. Но не Дабар. Правда, когда он таки обзавелся сожительницей, она приняла на себя часть пресловутой торговли, а именно продажу одежды и имущества казненных. От женщины никто большего и не ждал. Но исходный материал для зелий и талисманов по-прежнему не выставлялся на продажу, и обывателям Дробезы приходилось обходиться без этих ценных приобретений. Никто не просил женщину – ее звали Кери, – чтоб она уговорила сожителя заняться пресловутым промыслом. Даже самый грязный старьевщик, скупающий тряпье казненных, даже вор, грабящий могилы, – отребье преступного мира – кто угодно ставил себя неизмеримо выше женщины, делящей постель с палачом, и просить ее было ниже их достоинства. Обращаться же с подобной просьбой к самому Дабару никто не смел. Его слишком боялись. И правильно делали.

Одежда бандитов Хати стоила немного, но все же чего-то стоила, и Кери несколько задержалась, чтобы передать ее тряпичнику. Дабар ушел раньше, как обычно, не обратив внимания на ее старания. Она не обиделась, как не обижалась на любые его поступки. Знала, что ему ее торговля не нужна, как не нужны все ее попытки хоть как-то наладить домашнее хозяйство, привести в порядок жилье, готовить, стирать, убирать.

Это было нужно ей. Так она могла на время обмануть себя, поверить, что она в чем-то полезна Дабару. Он не брал ее за эти бессмысленные усилия (лучше бы брал, порою думала она). Слова грубого не сказал. Он вообще мало говорил, и то, что Кери знала о Дабаре, было основано не на словах, а на том, что она видела.

Сейчас она спешила домой. На окраинных улицах, узких, вонючих, завешанных сырым бельем, даже в солнечные дни царил вечная тень, и не было необходимости кутаться в платок. Но она все равно прятала лицо. Всегда так делала, выходя из дому. Ей не хотелось, чтоб люди на нее смотрели. Притом что уберегало Кери в трущобах именно узнавание. Никто не посмел бы напасть на женщину палача.

Теперь – не посмел бы.

Вот обругать черным словом, плюнуть, швырнуть в нее камнем или какой-нибудь тухлятиной – другое дело. С этим Кери сталкивалась постоянно. Однако Дабару никогда не жаловалась. Оно того не стоило. И спешила она не оттого, что опасалась воров, подгулявших компаний или уличных мальчишек. Она боялась, что не застанет Дабара дома.

Казни в Дробезе свершались регулярно, но такие, как сегодня, – довольно редко. И Кери уже приходилось видеть, что бывает с Дабаром после массовых казней.

Она едва успела – Дабар уже собрался в дорогу.

В нем трудно было узнать того изможденного доходягу, который нынче утром не мог без посторонней помощи подняться по лестнице. Этот человек выглядел воплощением силы. Казалось, он без труда способен завязать узлом кочергу – только Дабар ни за что не стал бы тратить время на подобные глупости. Одежду, забрызганную кровью, он успел сменить на чистую, ничем не выдававшую его ремесло, – простую рубаху, темно-синий кафтан, штаны из чертовой кожи и дорожные сапоги. Сверху накинул потрепанный черный плащ.

Сборы его носили вполне определенный характер. Кери знала, что он не возьмет с собой ни еды, ни денег – все оставит ей. Зато оружие... В этой мрачной лачуге, которой Кери тщетно силилась придать уют, было много оружия. И знающие люди не спутали бы его с боевым. Кое-кто сказал бы, что и честного слова «оружие» сии предметы не заслуживают. Орудия – это да.

Здесь было далеко не все, чем Дабар пользовался в работе, значительная часть оставалась в тюрьме и числилась городским имуществом. Но вот меч у Дабара был собственный – с ним он пришел в Дробезу три года назад. Более тяжелый и короткий, чем те, что приняты в бою.

Но он и в бою мог с ним управляться. Равно как ножами, которые использовал не только для допросов.

Меч и ножи он приладил на пояс. Под плащом их не будет видно.

– Уходишь? – тупо спросила Кери. Притом что понимала – вопрос не имеет смысла.

Дабар промолчал – не было смысла и в ответе.

Она размотала платок – жест машинальный, Кери привыкла так делать, возвращаясь домой. Здесь причины скрывать лицо не было – и другие женщины при таком лице выставляли бы его на всеобщее обозрение, а не прятали.

Она была более чем привлекательна – высокий лоб, короткий прямой нос, крупный, но изящно очерченный рот, синие глаза под густыми ресницами. Темные волосы, было дело, приходилось остричь, но за год с лишним они отросли, и со временем стали бы такими же пышными, как прежде.

Родись Кери в семье хоть с небольшим достатком, ее бы называли красавицей. Но для женщины из низов красота чаще становится проклятием, чем шансом на удачу. Кери знала это по своей прежней жизни. А в жизни нынешней... она не была уверена, что Дабар вообще замечает, как она выглядит.

У порога он все-таки задержался. Произнес:

– Деньги получишь у казначея.

В его словах не было ни тепла, ни сочувствия. Но они были словно камешек, подтолкнувший лавину. Кери бросилась к нему, упала на колени.

– Не уходи! Пожалуйста... У тебя не хватит сил...

– Их было десять, – сухо ответил он. – Я выдержу.

Слезы, которые Кери сдерживала по дороге домой, теперь лились неудержимо, она давилась рыданиями. Но не сделала попытки вцепиться в его одежду или обхватить его ноги. И не в том было дело, что Дабар мог отшвырнуть ее единым движением.

– Я должен идти, – сказал он. – Нет времени.

Из-за пелены слез Кери не смогла разглядеть, как захлопнулась за ним дверь. Дабар не оттолкнул ее, но и не обнял. Как обычно.

Он был для нее всем – защитником, кормильцем, хозяином, отцом, братом, и преданность ее принадлежала ему без остатка. Не был он только тем, кем его все считали – ее любовником.

Лишь самая последняя шлюха может сойтись с палачом – таково общее мнение. Но она с ним не сошлась. Да и последней в то время Кери не числилась. Хотя и не первой. Трактирная служанка – вот кем она была. Хорошего мало, но жить можно, да она и не представляла другой жизни. Родители умерли во время морового поветрия, выкосившего бедняцкие кварталы Дробезы, когда ей было лет семь. Кери зараза почему-то обошла стороной. Ее приняли на работу – из милости, как ей внушали, и продолжали внушать, хотя прошло уже больше десяти лет.

Жизнь была не сладкая, но та, к которой можно притерпеться. Она и терпела – до того вечера, когда хозяин услал ее с каким-то поручением. Теперь Кери уже не помнила с каким, это не имело значения, ее часто гоняли по пустякам, хозяин знал, что она добросовестна и безотказна.

С тех пор, как Кери поселилась у Дабара, она никогда не жалела тех, кого он пытал и казнил, хотя раньше могла всплакнуть над любой чужой болячкой. И не потому, что стала бессердечной. Просто она знала – эти люди не заслуживают жалости. Жаль только, что не все они попадают в камеру пыток и на эшафот.

Хати Жареные Пятки и его банда были мерзавцами, но их все же можно было понять. Они мучили и убивали ради денег, а не из удовольствия. Те, кому попалась Кери на ночной трущобной улице, были гораздо хуже. Если б они просто изнасиловали ее, она бы с этим смирилась. Кери не была шлюхой, но и девственницей тоже не была. Невозможно остаться таковой,

служа в убогом трактире. Насилие и побои были неотъемлемой частью ее жизни. Но то, что случилось с ней тогда... Она заперла эти воспоминания в своем мозгу. Не забыла, но запретила воспоминаниям принять какую-то форму. Иначе бы она помешалась.

Наверняка она была не первой женщиной, попавшей в руки этой банды. Потому что они не дали ей умереть сразу. Успели приобрести умение, при котором жертва держится в живых столько, сколько им угодно, и притом остается в сознании. Ибо так удовольствие гораздо больше – не просто мучить человека, но видеть, что жертва в полной мере чувствует свои мучения. С мужчинами тут хуже. Иной раз глядишь – здоровенный бугай, адохнет, едва завидит цвет собственных кишок. А вот бабы живут, даже когда их режут на куски. Грех этим не воспользоваться.

Ясное дело, в трущобах никто не придет такой твари на помощь, сколько бы она ни драла глотку. Но на всякий случай рот ей заткнули. А потом она уже не могла кричать. Не было сил. Сознание затянул кровавый туман, и Кери не слышала приближавшихся по переулку шагов.

Ее мучители тоже не слышали – слишком были заняты. А после для них стало слишком поздно.

Кери так никогда и не узнала, кем они были – шайкой извращенцев, пьяными наемниками, давно забывшими разницу между добром и злом, или компанией утонченных аристократов, которые подобным образом подогревали хладеющую в их жилах благородную кровь. Она знала одно – в ту ночь они все умерли. Умерли быстро, гораздо быстрее, чем заслуживали. Но не ушел никто. Это Кери еще успела увидеть, прежде чем потеряла сознание.

Она пришла в себя в доме Дабара – много дней спустя. Он не сказал, зачем принес ее к себе, зачем взялся лечить. А ей тогда было не до расспросов. Сил не было. Она и не надеялась выжить. Но палачи умеют лечить – это часть их ремесла, они должны приводить пытаемых в чувство и поддерживать их в нужном для допроса состоянии. Дабар промыл и перевязал ее раны, где понадобилось – зашил и наложил лубки, так что воспаления, которое губит раненых чаще, чем сами раны, не случилось. Но Кери была очень слаба, прошло не меньше четырех месяцев (в точности Кери не считала), прежде чем она встала на ноги. Все это время Дабар выхаживал ее, кормил, поил, мыл, не выказывая ни ласки, ни безразличия.

Ей этого было достаточно. Прежде о Кери никто не заботился, ничего не требуя взамен. Может быть, родители... но их она почти не помнила.

Дабар не уговаривал ее остаться, когда она поправилась. Она сама попросила его об этом.

Он сказал:

– Живи здесь, если хочешь.

А больше ничего не было.

Поначалу Кери думала, что ее изувеченное тело вызывает у него отвращение. Ирония судьбы: живя у Дабара, Кери стала прикрывать лицо, но вот лицо у нее не было обезображено, наверное мучители оставили это удовольствие напоследок. Но тело ее было покрыто чудовищными шрамами, и Дабару было об этом известно лучше, чем кому-либо.

Потом Кери стала догадываться, что причина в другом.

Те, кто отдавал приказы Дабару, тоже замечали, что при внешней крепости и силе выглядит он порой совсем больным. Но, поскольку работе это не мешало, никто не ломал голову над причинами. Может, пьет по-черному, может, лихорадка его треплет. Бывает.

Однако Кери знала, что Дабар вина пьет не больше, а пожалуй что и меньше, обычного горожанина. А лихорадка... навидалась ее Кери в трактире во всех видах.

Дабар никогда не говорил ей, что за хворь его гложет. Достаточно было и того, что он не скрывал от нее свою слабость, и сердце Кери разрывалось от благодарности и сострадания. Она делала все, чтоб облегчить ему жизнь, не только трудилась по дому, но сопровождала его на смертный помост, чтоб и там служить ему подручным, хотя худшего позора для женщины, казалось, придумать невозможно.

Ей было все равно. Она не ждала благодарности, ибо преданность, ожидающая благодарности, теряет право называться преданностью. И в этом не было ничего плохого. Плохо было другое – Кери понимала, что по-настоящему Дабару помочь не может.

Но мог ли ему помочь хоть кто-либо?

Догадки, посещавшие ее, способны были вселить ужас в любую душу, но не в душу Кери. Дабара бы она не осудила никогда и ни за что.

И вот теперь он снова ушел. На ее памяти – во второй раз, может, уходил и раньше, до того, как она здесь поселилась. Зачем, куда – она тоже могла лишь догадываться. И ясно было, что прежде его постигла неудача.

Сейчас же, плача на лавке, укрытой лоскутным покрывалом, Кери боялась вовсе не того, что Дабар в своем походе не достигнет цели. Потому что так уже было, и он к ней вернулся.

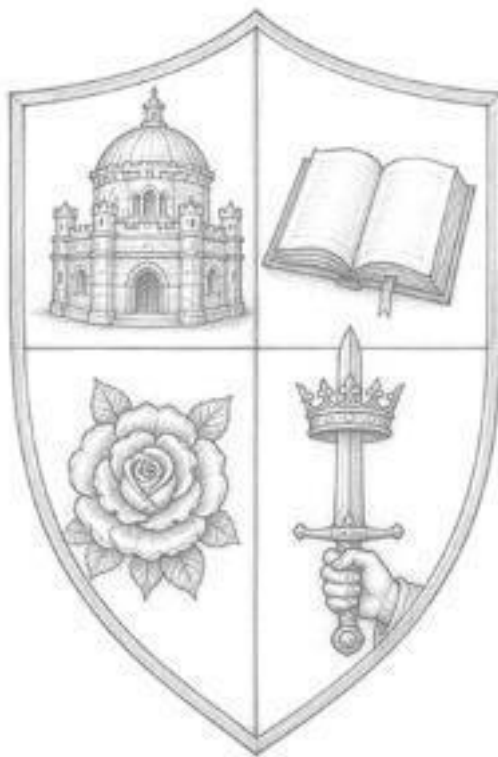
Но что будет, если Дабар одержит победу?

Этого Кери предвидеть была не в силах, но в том сумеречном мире, где обитал Дабар, и она вместе с ним, победа могла оказаться страшнее поражения.

Глава 2

Карты Судьбы

Просвещенные люди не верят в гадание на картах. Тем не менее гадатели и гадалки процветают. Помимо просвещенных, на свете полно людей, желающих узнать свое будущее, и они почему-то полагают, что могут купить его на ярмарке или в лавчонках на мостах.

Даже жречество не осуждает гадателей и их клиентов. Если кому-то охота тратить деньги на шарлатанов, пусть тратятся. Это слишком очевидная глупость, чтоб серьезные люди обращали на нее внимание.

Человеку, сидевшему на холме, среди развалин, заросших орешником и сорной травой, это также было известно.

Руины находись вдали от проезжих трактов, миновали десятилетия с тех пор, как их навещал кто-то, кроме диких зверей. Стены рухнули, обломки их покрылись мхом, скрывая высеченные на плитах письмена. В зарослях можно было разглядеть разбитые статуи. Быть может, их посбивали с пьесталов во времена легендарных походов за веру императора Дагды Великолепного. Может, постаралось неумолимое время. Но, если приглядеться, даже изначально статуи не напоминали никого из богов, чтимых ныне.

Никто не помнил, какими богам поклонялись люди, приходившие сюда в давние времена. Да и люди ли это были.

Просвещенные люди знают (а все прочие – верят): в древности мир окутывала порожденная изначальным хаосом пелена магии, населившая мир разнообразными чудовищами. И если монструозная природа одних из них была очевидна, другие по внешнему виду были весьма сходны с людьми. И находились те, кто умел этим пользоваться.

Благодарение Семи, с этим давно покончено. Чародеи, служившие земным правителям, сначала уничтожили чудовищ, а потом – друг друга. Дело довершили сами правители, обратив-

шиеся к истинной вере и благословившие благочестивое истребление магов. С тех пор жизнь в обитаемом мире вошла в обычную колею и катится по ней под мудрым надзором Семерых. А уж совсем просвещенные люди сказали бы, что Семеро – никакие не боги, а персонификации космической энергии, управляющей вселенной. Что, конечно же, заслуживает уважения и преклонения. И то, что старшие карты в колоде изображают Семерых, – оскорбительно и кощунственно.

Еще более кощунственными показались бы им действия путника. Он извлек из дорожной сумки колоду гадальных карт и выложил ее на плоский камень, когда-то, возможно, служивший алтарем. Игрушки базарных шарлатанов – в храме, пусть разрушенном, но все же храме?

Серьезные, просвещенные люди никогда бы так не сделали. И это одно из отличий людей просвещенных от людей мудрых.

Персонификации космической энергии? Можно сказать и так.

Большая, огромнейшая часть всего, что говорится, – ложь и глупость. Но мудрый сумеет извлечь из этого мутного потока крупинцы истины. В том числе – на каких местах строились древние храмы.

В колоде – тридцать четыре карты. Но сегодня ему были нужны только старшие. Поначалу он разложил их в традиционном порядке, как говорится, «от Творца до Привратника». Затем смешал, начал тянуть одну за другой.

То, что он увидел, не слишком ему понравилось.

Карта Разрушителя снова оказалась рядом с картой Матери. Ну, это понятно, этого требует символика... но почему они оказались первыми? Дальше пошла невянтица. Карты Железной Девы и Возлюбленной оказались перевернуты, а это полностью меняло смысл. Привратник оказался впереди Мастера. И неважно, кто из них есть кто в реальной жизни, важно, почему они не следуют порядку, диктуемому волей избравшего их.

Ничего. Он терпелив. Он добьется, чтоб карты легли как ему надо.

Как это в книге Аввагду Проповедника?

«...И только Творец не дал нам от себя ничего».

Ну-ну. Посмотрим.

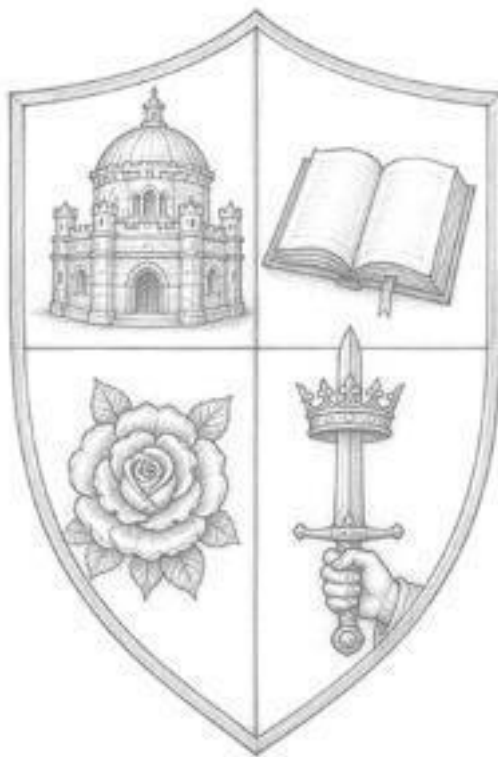
И он бросил поверх лежащих на камне карт ту, которую вытянул последней.

Первую. Самую сильную.

Глава 3

Тысячекратная Убийца

Княжество Дробеза, сколь бы ни была в нем сильна власть его светлости, номинально являлось вассалом по отношению к королям Лейры. Правда, в те времена, когда королевство Михаль, став империей, глотало соседние государства, не поперхнувшись, Лейра также вошла в состав империи. Вполне добровольно, что характерно. Но со временем в Михале начались междоусобицы, там стало не до того, чтоб удерживать государство в прежних границах. То, что казалось незыблемым, разваливалось на глазах, и Лейра обрела самостоятельность, о которой забыла и думать.

Была вероятность, что Лейра падет под ударами хищных соседей, быстро оперившихся при отсутствии угрозы со стороны Михалья. Однако Лейра выстояла, и не в малой мере это было заслугой новой династии. Короли сумели сплотить народ, возродить его гордость, напомнив о славном прошлом, когда корабли Лейры владывали на всех известных океанах, отвага и мужество моряков (ну, пусть пиратов) внушали ужас врагам – и тем, кто носил человеческое обличье, и чудовищам.

Одного энтузиазма, конечно, было бы недостаточно. Но за то время, что Лейра стонала под проклятым имперским гнетом – так теперь было принято выражаться, – там были выстроены многочисленные верфи, мануфактуры, заводы, шахты. И благодаря тому, что Лейра отпала от Михалья мирно, она ничего из этого не потеряла. Экономика королевства после распада империи находилась если не в блестящем, то во вполне благополучном состоянии. И это также дало Лейре возможность выстоять в смутное время.

Кстати, теперь о «мирном отпадении» говорить не полагалось – неприлично и слишком опасно. Не успело смениться поколение, как жители Лейры уже твердо верили, что героические борцы за свободу королевства отвоевали ее в долгой и кровавой борьбе с михальскими

оккупантами. Ну, может, не все верили, но такова была общепринятая точка зрения. Излишне же недоверчивым лучше помалкивать – дольше будут жить.

Возрождение древних славных традиций повлекло за собой еще одно обстоятельство. В баснословные времена, когда магия еще не утекла из мира, правители держали при себе чародеев и ведьм. Те, как правило, стремились продать свои услуги как можно дороже и обставляли их как можно эффектнее. Учреждали некие таинственные храмы, где требовали поклонения неведомым богам. Возводили в городах собственные башни, носившие напыщенно зловещие названия, чаще всего Черная или Темная.

Такая башня имелась и в Лейре. Называли ее Тысячекратная Убийца или Сестра Погибели. Говорили, будто построил ее могущественный некромант, приносивший духам бездны человеческие жертвы. И никто сейчас не мог с точностью утверждать, правда это или сказки для непослушных детей. Потом прежняя легендарная Лейра превратилась в окраинную провинцию Михалья, магия и ее наваждения, волею Семерых, бесследно сгинули, а башня осталась. Неизвестно, почему ее никто не разрушил и почему она не разрушилась сама. Может быть, на Тысячекратную Убийцу было наложено сильное заклятие. Может быть, о ней просто забыли.

Когда в правление Садалана, первого короля этого имени, стало известно, что Тысячекратная Убийца снова обитаема, разное болтали в Лейре и ее окрестностях.

Будто бы монарх сделал еще один шаг в направлении возрождения славных традиций. Будто бы это ловкий политический ход – дабы ввести в заблуждение правителей соседних стран и припугнуть непокорных подданных. Будто бы Садалан перемудрил и совершил ошибку, а может, и нечто худшее, вступив в сговор с силами тьмы.

Ибо в башне, именуемой Тысячекратная Убийца, поселилась женщина, которую иначе как ведьмой не называли. Говорили, что она возобновила все мрачные ритуалы, которые в древности творились в Сестре Погибели. Что она сумела возродить забытое искусство магии, чтобы поставить ее на службу королю.

Эта женщина редко появлялась на людях, но все же появлялась, так что можно было увериться, что она существует в действительности, а не выдумана Садаланом ради укрепления своей власти. Но никогда не было замечено, чтоб она покидала пределы столицы. При этом никто не мог утверждать в точности, что она ее не покидает.

Было объявлено, что Аойфе – так ее звали – занимается исследованиями, направленными непосредственно на пользу его величества. Если какое-то частное лицо желает обратиться к Аойфе, то предварительно надо получить разрешение из главной дворцовой канцелярии с печатью короля. Тем самым давалось понять, что все, кто жаждет приворотных зелий, мазей, долженствующих навек сохранить красоту, сильнодействующих средств для богатых дядюшек и заклятий супротив счастливых соперников и соперниц, будут поставлены на учет. А кому ж такое понравится? Да ради таких хлопот зачем соваться в Тысячекратную Убийцу? На любом базаре можно найти – без всяких канцелярских проволочек – колдуна или ведьму, что сработает дешево и сердито. А если до конца жизни будет грызть тебя сомнение, что ты погнался за призрачной магией и попал в лапы шарлатана, то это твои проблемы.

Король посещал Тысячекратную Убийцу редко, чаще – его советники или доверенные лица. О чем говорят они с ведьмой, что творит она для них, посетители не рассказывали. Раз-узнать иным способом было нельзя – слуг ведьма не держала. По крайней мере, слуг из плоти и крови. Ибо если король и ближние его что-то требовали от Аойфе, из Тысячекратной Убийцы также поступали заказы – на шахты, литейные заводы, к кузнецам, столярам, стеклодувам. И шептались между собой мастеровые, и кружили среди ремесленников различные толки, вроде того, что желает его величество создать для себя армию наподобие той, что была у древнего владыки Союзной империи. Одни говорят – из металла были сделаны те солдаты, другие – из камня, забылись подробности, но будто бы Аойфе по королевскому повелению ищет секрет. Это бы и понятно, это даже похвально. Но не только в ремесленных мастерских получали

заказы из Тысячекратной Убийцы. Из тюрем, с позорных помостов везли в Тысячекратную Убийцу мертвые тела – те, на которые указал король. Самое верное гадание – то, что на внутренних, так верили в древности, и что вернее может быть потрохов человека? А что, думали люди, если тюрьмы шлют в башню не только казненных, но и обреченных на смерть? И слухи о некромантии и кровавых ритуалах находили новое подтверждение, и название башни обрело прямой смысл.

Так проходили годы, потом десятилетия. Король Садалан скончался, престол занял его сын, носивший то же имя и, в принципе, продолжавший ту же политику. Он не увеличил расходы на армию и флот, но в отношениях с королевством Герне, Лунными островами и герцогством Нанна предпочитал интриги, включавшие брачные, торговые и военные соглашения, разоренным же Михалем пренебрегал. Держал пышный двор, устраивал празднества, покровительствовал искусствам и ни в коем случае не пренебрегал почитанием Семерых, напротив, количество столичных храмов в его правление заметно выросло.

Но Тысячекратная Убийца никуда не делась, и ведьма в башне – тоже.

Находились скептики, утверждавшие, будто это совсем не та Аойфе, что жила при старом Садалане. Это, мол, очередная хитрая уловка, оттого-то женщина и сидит почти безвылазно в башне – чтоб никто не замечал подмены. И что таким манером можно хоть бессмертной эту ведьму представить. Но, поупражнявшись в остроумии на эту тему, скептики некстати припоминали, что чародеи, согласно древним хроникам, жили гораздо дольше обычных людей – если их не убивали. (Впрочем, считалось, что раньше и обычные люди жили дольше, чем теперь... и вода была мокрее, и трава зеленее...) Проверить же, в самом ли деле ведьма бессмертна, охотников не находилось. А если находилось – они о том не рассказывали. Или не могли рассказать.

И по-прежнему поступали в башню механизмы, сработанные по присланным чертежам, минералы, масла, ткани, писчие принадлежности, инструменты. С дворцовой кухни – еда и вина. И по-прежнему не держала Аойфе прислуги. Живой прислуги.

Теперь разговоры об оживленных болванах, железных или каменных, что были в ходу при Садалане I, поутихли. Иное болтали.

Духи умерших привязаны службой к Тысячекратной Убийце. Тех, кто был прислан сюда из королевских темниц, и тех, кто пробрался в башню – из жадности, из мести, из глупого любопытства. Все они нашли здесь свой конец. Ведьма даже не марала рук сама. Ее слуги – неживые слуги – делали за нее всю работу. Невидимо следили по всему королевству за врагами, чужестранными шпионами, заговорщиками. Проникали во храмы, в подземелья и в поднебесья, где творились неведомые человеку таинства, прозревали секреты прошлого и будущего. И новый король приходил в Тысячекратную Убийцу, чтобы выслушать то, что хотел узнать. То, что ведьма могла сообщить только ему.

Имя ее постепенно забывалось. Вместо него все чаще употребляли второе название башни – Сестра Погибели.

Лишь король мог чувствовать себя в безопасности, вступая в башню. Король и его доверенные, те, кому он разрешал обращаться к Аойфе, Сестре Погибели. Всех остальных ждали неведомые чудовища, вызванные ведьмой из тьмы, голодные демоны и злобные призраки.

Дабару было хорошо известно, что все эти слухи о Тысячекратной Убийце, гуляющие в Лейре и за ее пределами, – полная чушь.

На самом деле все обстоит гораздо хуже.

Ему ли не знать – в этой башне он появился на свет.

* * *

Хотя княжество Дробеза лежит не так уж далеко от столицы, носившей, по давней традиции, то же имя, что и страна, мало между ними сходства. Иначе быть не может. Дробеза

вклинилась между равниной и горами, Лейра расположена на берегу моря, в глубокой бухте. Общего – разве что ветер, постоянно гуляющий по городским улицам. Но это другой ветер. В Дробезе он – то жаркий, как дыхание печи, то леденящий; когда нет дождя – удушающе пыльный, даже у крепких людей вызывающий головную боль. В Лейре ветер влажный и зимой, и летом, напоенный запахами соли, рыбы, водорослей и всеми прочими запахами портовых городов, которые одни назовут вонью, другие – благоуханием, ибо нечего воротить нос – на морской торговле стоит благополучие Лейры. Сколько бы ни твердили нынешним школьникам о воинских морских подвигах славных предков, теперь корабли Лейры не пиратствуют в дальних и ближних водах (а если и пиратствуют, то скрытно). Потомки разбойников, грабивших купцов, сами стали купцами, что, в общем, закономерно. Отправляют свои корабли, привечают чужие. Потому Лейра – город процветающий и, пожалуй, красивый, хотя никто ради этого особо не старался. Строят здесь по преимуществу из камня – с той поры, как королевство возродилось, леса основательно повырубали, а уж возле столицы – свели полностью. Нужды флота... Теперь лес приходилось возить из Герне. Из Михалья было бы сподручнее, но с Михалем отношения, сами понимаете... А вот камня было в достатке по всему побережью, из-за того, что его ломали здесь, скалы вокруг города приобрели странные, причудливые очертания. Большой частью брали ракушечник для жилых домов, для тех, кто побогаче – известняк, туф, даже гранит. Мрамор и порфир, правда, приходилось возить издалека, но это уж для дворцов и некоторых храмов.

Храмов в Лейре было множество, и самых разнообразных. Еще во времена владычества Михалья Лейра восприняла канон Семерых во вполне ортодоксальной форме, придерживаясь его и теперь.

Но, в отличие от Дробезы, у столицы не было своего особого покровителя среди Семерых. В прежние времена как-то не додумались обзавестись, а сейчас – не было смысла. В торговом городе никого не следует оставлять без внимания. Правда, если кто взялся считать – а наверное, кто-то да взялся, – то сказал бы, что больше всего в Лейре храмов Привратника, Любимой и Мастера во всех их ипостасях. Хотя порядок перечисления может быть произволен. Привратник, Лжец – господин всех обманов, уловок и хитростей. Уж кому-кому, а ему торговцы молятся прежде всего, но ему же приносят жертвы и воры, мошенники, грабители, и пусть говорят, что между ними и почтенными купцами нет разницы, сами они вряд ли с этим согласятся.

Та же история и с почитанием Фио, Возлюбленной. Она покровительствует любви: и законной, супружеской, и случайной, продажной. Стало быть, в храмы ее идут и добрые жены, и невесты, пекущиеся о судьбах своих мужчин, ушедших в плаванье, и придворные дамы, и девицы, мечтающие отхватить кавалера поприглядней, и шлюхи всех мастей, у которых всех забот – как облапошить клиента. Стало быть, нужны разные храмы, чтоб разные лики Любимой смотрели на них.

Ну а ремесленников в Лейре не перечесть, у них свои цеха и гильдии, и каждая строит храм Мастеру, чтобы успех сопутствовал их ремеслу.

Да, эти трое особенно чтимы. Но и Разрушителя не следовало обходить подношениями и молитвами. Здесь, у моря, это хорошо знали. Шторма и бури подвластны Нгаю, а также чудовищные твари морские, обитающие в его глубинах, – кракены, гигантские змеи, рыбодраконы. Говорят, чародеи их всех повывели, но моряки в это не верят – в любом портовом кабаке за вечер непременно расскажут о встречах с такими – не сами видали, так братья и кумовья. А еще может Старший Сын так тряхнуть землю, что целый город или остров уйдет под воду, – на то он и Разрушитель. Нет, не следует пренебрегать жертвами Старшему Сыну.

Само же море принадлежит Матери, равно как и вся живность, что в нем обитает. Ей приносят жертвы рыбаки – чтоб улов был хорош, чтоб семьи их были сыты от щедрот Матери

и чтоб убедила Ану – Родительницу сына и супруга своего не устраивать буйств, чтоб убаюкала его в своих объятиях, и спокойна была водная гладь.

Что до Дочери, Железной Девы, не так велика была ее паства. Она, конечно, богиня мудрости, но кто признает, что мудрости ему не хватает? Профессора и студенты, схоляры – вот кто составлял круг почитателей Дочери в Лейре, но учащаяся молодежь не слишком благочестива, а ученые старцы не слишком многочисленны.

Ну а Творца, как водится, чтили по традиции и по привычке.

Фио, как было упомянуто, почиталась как покровительница супружеской любви, потому королева принадлежала к ее пастве. Супруга Садалана в политике роли не играла, в Лейре, как и в Дробезе, это не было принято, здесь вам не Михаль, где королевы, бывало, правили единолично. Но королева обязана была служить украшением двора и подавать пример женщинам королевства во всем – от нарядов и пристрастий в музыке и литературе до соблюдения обычаев благочестия. Поэтому королева в сопровождении свиты каждую седмицу следовала в храм Фио, дабы поклониться Возлюбленной. Королеву несли в закрытом паланкине, блистающем позолотой, фрейлины ехали верхом, служанки шли пешком. А гвардейцы шли перед паланкином, отгоняя зевак, – железная игла, в которую вдет шелковая нить, что тянется сквозь грубую ткань городской жизни. Это сравнение не было притянутым. Королева посещала храм, одеваясь со всей роскошью. Мода – именно так она воздавала уважение богине. Сама королева была женщиной невзрачной, блеклой, и парча, золотое шитье и кружева это лишь подчеркивали. Впрочем, скрывшись в паланкине, она все равно не была видна горожанам. Прохожим оставалось пялиться на фрейлин. Пусть они по определению были менее нарядны, да и мешали бы пышные платья при верховой езде, зато все без исключения были молоды и красивы. Да, королева должна быть украшением двора, а фрейлины – служить достойной оправой этому украшению.

Девы, помимо дворянского происхождения – дочери купцов и банкиров ко двору не допускались, – должны были отличаться прекрасными манерами, умением танцевать и музицировать, а также ездить верхом – в дамских седлах, разумеется. Все они были изящны и стройны, но не хрупки, ибо обязанности их требовали немалых сил и здоровья.

Девушка на гнедой кобылке, ехавшая в третьем ряду фрейлин, ничем не отличалась от своих подруг. Шелковое лиловое платье скрывало бархатный плащ, не слишком новый, но простым горожанкам мог показаться модным и богатым. Светлые волосы, собранные в прическу, открывали высокую шею. Она свободно держалась в седле и могла бы сопровождать госпожу не только в храм, но и на охоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.